УДК 94: 323.269.6 – 058.232.6 (571.13)
DOI 10.17223/19988613/34/6

И.В. Курышев

МАРИНСКОЕ (ЧУМАЙСКОЕ) КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1918 г.: МОТИВЫ И ПОВЕДЕНИЕ ПОВСТАНЦЕВ

Рассматриваются малоизученные аспекты сопротивления крестьян Мариинского уезда Томской губернии репрессивным мероприятиям аппарата Временного Сибирского правительства по взиманию лесных штрафов.

Ключевые слова: сбор налогов и недоимок; самовольные порубки леса; поведение повстанцев.

Одной из наиболее актуальных проблем современной отечественной историографии Гражданской войны в Сибири является изучение протестного поведения крестьянства, ярко проявившегося в антиправительственных восстаниях. Изучение крестьянского движения в белой Сибири на основе комплекса не введенных в научный оборот источников (делопроизводственной документации, хранящейся в архивах, материалов периодической печати, воспоминаний) позволит выявить анатомию крестьянского протеста, более детально проследить вехи крестьянского сопротивления политическому курсу белых властей.

Целью данного исследования является изучение природы, мотивов, особенностей социального поведения крестьян в ходе Мариинского (Чумайского) восстания в октябре 1918 г.

Чумайское восстание стало предметом внимания исследователей прежде всего со второй половины 1950-х – начала 1960-х гг., получив отражение в трудах М.И. Стишова [1. С. 95–96], В.А. Кадейкина [2. С. 343–348], М.Е. Плотниковой [3. С. 204], сборнике документальных материалов, посвященных борьбе за установление Советской власти в Томской губернии [4. С. 369–383]. Все они базировались исключительно на формационном подходе и марксистско-ленинской теории классовой борьбы. Так, существенно преувеличивая роль и влияние большевистского подполья в организации крестьянского движения, В.А. Кадейкин доказывал, что деятельное участие в подготовке восстания принимала подпольная организация большевиков в Мариинске. Более того, он утверждал, что восстание, якобы, готовилось заранее [2. С. 344]. Слабая организованность, нерешительность и разрозненность действий повстанцев в этой части Томской губернии, по его мнению, привела к поражению восстания. При этом историк связывал восстание с началом поворота в настроениях крестьянских масс Сибири, начавших борьбу против «эсеров-белогвардейщины» [Там же. С. 347].

На современном этапе, по справедливому мнению М.В. Шиловского, «необходимо на качественно новом уровне, с введением в научный оборот новых источников и непредвзято используя традиционные, проанализировать коммунистическое подполье и повстанческо-

партизанское движение» [5. С. 176]. В данном направлении работает и автор представленной статьи, исследуя на основе не введенных в научный оборот источников нравственно-психологический облик и социальное поведение участников повстанческо-партизанского движения в Западной Сибири [6. С. 298–307].

Анализ степени научной разработанности проблемы позволил сформулировать следующую задачу: реконструировать социальное поведение повстанцев Мариинского уезда в ходе восстания в октябре 1918 г. на основе междисциплинарного подхода (исторического синтеза, интеграции системного, социально-психологического, социокультурного аспектов исследования).

Массовые стихийные крестьянские восстания, вспыхнувшие в ряде уездов в период «демократической контрреволюции» (среди которых выделялось своей ожесточенностью, масштабностью и сопротивлением крестьянства Мариинского уезда Томской губернии), стали предтечей партизанского движения в Западной Сибири. Они вобрали в себя борьбу крестьян за общедемократические идеалы. По справедливому мнению Л.В. Даниловой и В.П. Данилова, «...крестьянский идеал – “свободный труд на свободной земле”. Он предполагал возможность осуществления его каждым, кто желал и мог обрабатывать землю своим трудом. Таков нравственный императив социального и физического выживания. Его осуществление и явилось главным двигателем аграрно-крестьянской революции в России, победившей в 1917–1922 гг.» [7. С. 31].

Несмотря на пассивно-выжидательное, а порой и враждебное отношение сибирского крестьянства к падению советской власти, оно проявило известную сдержанность и настороженность и в оценке уже первых мероприятий эсеров-меньшевистского Временного Сибирского правительства. Так, даже в одном из наиболее информированных, Томском уезде, из докладов инструкторов-информаторов информационно-агитационного отдела МВД выяснилось, что из 10 волостей, в которых они побывали в августе 1918 г., только 5 волостей определенно высказались в поддержку Временного Сибирского правительства. Остальные отнеслись к правительству неопределенно, проявив выжидательную позицию («Если правитель-

ство будет хорошо относиться к нам, – говорят крестьяне, – тогда мы его будем поддерживать») [8. Л. 1 об.]. Семь волостей однозначно высказались за мобилизацию молодых возрастов. Ответы же трех остальных волостей различались между собой. В частности, Телеутская инородческая волость заявила, что она боится огнестрельного оружия и пойдет только охранять порядок, но не воевать. Крестьяне Бобарыкинской волости сказали, что «лучше повеситься, чем идти на войну». Петуховская волость вообще не высказала своего мнения о мобилизации [8. Л. 1].

Крестьянство повсеместно стремилось избежать уплаты недоимок за 1917 – первую половину 1918 г. Значительная часть сельских обществ отказалась от раскладки поземельных налогов. «Крестьянство было убеждено, – справедливо отмечает В.М. Рынков, – что раз инициатива прекращения поземельных сборов в конце 1917 – первой половине 1918 г. исходила от государственной власти, каковой в то время являлись большевики, значит, оно законно. В правосознании крестьянства сбор недоимок за этот период был противоправной акцией властей, так как придавал закону обратную силу. Неплатежеспособность сельского населения стала камнем преткновения, что многократно отмечалось и налоговыми чиновниками, и сторонними наблюдателями» [9. С. 97]. При этом, по мнению историка, действия правительства по реализации налогово-фискальной политики не привели к массовому активному сопротивлению, основными стали пассивные формы борьбы: отказ от раскладки налогов между хозяйствами, описи имущества недоимщиков. Местные власти уже с лета 1918 г. стали широко привлекать милицию к взысканию недоимок и составлению описей недоимщиков.

Можно согласиться с В.М. Рынковым, что открытые, вооруженные формы сопротивления налоговым сборам проявлялись только в тех случаях, когда они сопровождались другими насильственными мероприятиями, в частности по борьбе с дезертирством новобранцев из армии, взиманием лесных штрафов. Несмотря на довольно широкий диапазон применения репрессивных мер при сборе поземельного налога, эти акции властей вызвали мощное вооруженное сопротивление только в Мариинском уезде Томской губернии, где сопровождались неправомерными, с точки зрения крестьян, действиями по взиманию лесных штрафов (Чумайское восстание).

В то же время значительные усилия по сбору налогов и недоимок, позволившие контрреволюционным правительствам собрать с крестьян около половины причитавшихся прямых налогов, подорвали поддержку белогвардейского режима. «Получив от поземельных сборов 1–3% бюджетных средств, – справедливо отмечает В.М. Рынков, – государство возбудило против себя недовольство многомиллионной массы крестьянства» [Там же. С. 98].

В Западно-Сибирской деревне усиливалось социальное напряжение, порождая социальные конфликты, связанные со стремлением к насильственным действиям с применением оружия. В совокупности все эти обстоятельства являлись составными факторами, повлиявшими на формирование протестных представлений и поведения крестьян. Это подразумевает наличие в менталитете крестьянского населения не только выражения критического отношения к курсу правительства и несогласия с ним, но и способность к замене ряда негативных обстоятельств жизнедеятельности новыми.

Борьба с «демократической контрреволюцией» в деревнях и селах Западной Сибири развернулась против мобилизации в белую армию, увеличения налоговых сборов, возвращения частновладельческих земель и в целом политического режима. Крестьянство не ограничивалось только пассивными формами борьбы, обусловленными недовольством внутренней политикой правительства.

В конце лета – осенью 1918 г. в сибирской деревне вспыхнули крупные крестьянские восстания: Тюкалинское (24–29 августа), охватившее 7 сел с количеством участников в 1–1,5 тыс. чел., Змеиногорское (середина августа – середина сентября) – 60 сел, 13 волостей, 1 тыс. вооруженных участников; Славгородское (2–10 сентября) – 17 волостей, 15 тыс. участников; Больше-Муртинское (17–21 сентября) – 9 деревень, 400–500 чел.; Чумайское (19–28 октября) – более 10 волостей, 7 тыс. вооруженных участников; Бийское (вторая половина октября – ноябрь) – 9 волостей. По данным Ю.В. Журова, из 75 руководителей крестьянских восстаний каждый третий был членом РКП(б) и каждый десятый – промышленным рабочим [10. С. 50–51]. На наш взгляд, масштабы участия большевиков и рабочих в руководстве повстанческим движением летом – осенью 1918 г. были существенно преувеличены автором. Это было обусловлено влиянием господствовавшей в советской историографии концепции о руководящей роли РКП(б) в борьбе трудящихся против белогвардейцев и интервентов, а также союзе рабочего класса и крестьянства Сибири в период строительства социализма.

В письме от 29 октября 1918 г. члена Омского комитета РКП(б) А.А. Масленникова сообщалось: «В крестьянской среде <...> настроения ломаются в пользу Советской власти. Прокатываются волной стихийные крестьянские восстания в Славгородском, Тюкалинском, Павлодарском (от) Исилькуля, Змеиногорском, Кузнецком, на всем Алтае, в Мариинском уездах. Восстают ряд волостей, образуют революционные комитеты, но подавляются со страшной жестокостью. **К сожалению, восстания начинаются без нашего руководства** (выделено мной. – И.К.). Поводы к ним – набор новобранцев, взыскания старых недоимок, ненависть к карательным отрядам и белочехам, выселения и т.д. Среди новобранцев настроение великолепное; они

ждут призыва к восстанию и на фронте сдадутся» [11. С. 52].

Довольно ожесточенный характер приняла повстанческая борьба в Мариинском уезде Томской губернии, где с 19 по 28 октября 1918 г. вспыхнуло мощное крестьянское восстание, охватившее более 10 волостей с общим количеством участников около семи тысяч человек вооруженных крестьян [12. С. 53]. Причины Мариинского восстания в целом объективно выявлены в докладе мариинского уездного комиссара томскому губернскому комиссару. Среди них он выделил энергичное взыскание податей и штрафов с местного населения за самовольные лесные порубки в пределах Чумайского лесничества, водворение в свои части бежавших с военной службы новобранцев-дезертиров; большевистскую агитацию, рассчитанную на глубокую темноту населения, провоцирующие бунт действия командированного из Томска в село Чумай военного отряда прапорщика Дмитриева [4. С. 352].

Вместе с тем положение лесного хозяйства в этой части обширной Томской губернии действительно было весьма удручающим и тревожным. Размеры самовольных порубок леса из государственных дач достигли ужасающих размеров. По словам лесного ревизора 3-го района Томской губернии А.П. Куликова, особенно негативно влияли на население воззвания, призывы и разъяснения о ненужности лесной администрации, лесной стражи и т.п. [13. Л. 88]. «Эти специальные выступления некомпетентных во многом лиц, взявших в некоторых местностях бразды государственного управления, – писал он, – развратили население, и оно при них получило возможность осуществить свою всегдашнюю мечту – самостоятельного хозяйничанья в лесах, до сего времени охраняемых с большим трудом специальным, но, к сожалению, крайне малочисленным в Сибири штатом стражи. После периода особо частых наездов агитаторов и различных разъяснителей население деревень и сел, да отчасти и городов, никем и ничем не сдерживаемое, обратило свой гнев на лиц, до сих пор непосредственно мешающих ему свободно, без всяких стеснений, пользоваться лесными богатствами. Во многих местах чины лесного ведомства подверглись незаслуженному оскорблению, насилию, и дело доходило даже до диких расправ» [Там же].

Особенно угрожающим было положение дел в Чумайском лесничестве. Всю весну и лето 1918 г. по р. Кие сплавлялась масса леса, исчислявшаяся десятками тысяч кубических сажень; по обеим берегам реки находились огромные склады самовольно нарубленного леса. Вблизи кордона, на котором жил чумайский лесничий Я.И. Солодовников, производилась самовольная рубка леса; прикордонная полоса раскорчевывалась и распахивалась. В селе Чумае и окрестных деревнях все дворы были завалены казенным лесом. Более того, на кордон стали приходиться толпами и в одиночку сельские жители, чтобы захватить казенное

имущество – лошадей, сбрую, канаты, заготовленные лесные материалы и пр. Отрицательный пример подавал мариинский союз кооперативов, заготавливавший самовольно лес с помощью своего техника Останина и жителей Чумая, несмотря на многократные требования лесничего. Такого леса, по расчетам Я. Солодовникова, было заготовлено на сумму около 12 тыс. руб. [14. Л. 12].

В конце концов, видя бесплодность попыток обращения за помощью к мариинскому земству и бессилие местной милиции в борьбе с расхищением лесных богатств, начальник управления земледелия и государственных имуществ Томской губернии обратился к губернским властям оказать содействие в отправке вооруженного военного отряда. По распоряжению начальника гарнизона г. Томска в Мариинский уезд был командирован отряд, состоявший из 44 солдат под командованием двух офицеров. Затем в г. Мариинске к этому отряду присоединился начальник уездной милиции с 15 милиционерами и пятью солдатами местного гарнизона. 6 и 7 октября прибывшим карательным отрядом производился пересчет леса в деревне Покровке; всего с местных крестьян было собрано 1 674 рубля, кроме того, здесь было арестовано несколько дезертиров.

После отряда отправился в деревню Ивановку, где со 130 дворов взыскал 1 618 рублей. 11 октября отряд прибыл в село Чумай, где толпа местных жителей около 300 человек после переговоров с лесничим категорически отказалась уплачивать какие-либо сборы. Тем временем лесная стража приступила к пересчету пней и обмеру распашек в прикордонной полосе. 12 октября в канцелярию лесничего явились делегаты от жителей Чумая и заявили, что они вырубili прикордонную полосу по общему приговору, а потому взыскание должно быть предъявлено ко всему обществу; участок же выше кордона по левому берегу реки Кии и по р. Кожуху каждый рубил по собственной воле [Там же. Л. 12 об.].

13 октября в канцелярию лесничества явился житель села Чумая, член Мариинской уездной земской управы, Евграф Фролов и стал требовать, чтобы взыскание денежных сборов с односельчан было прекращено. Получив отказ, он в повышенном тоне в присутствии начальника милиции заявил: «Придется, должно быть, крестьянину подняться и сорвать ту петлю, в которую попадаем» [Там же. Л. 13].

Сам Я. Солодовников так описывал процесс взысканий в рапорте, направленном начальнику управления земледелия и государственных имуществ Томской губернии: «Будучи вызваны в определенный срок, вечером явились и чумайцы, прося оставить за ними оброчную статью, но недоимки за два года, числящейся за ними, не внесли. Имея объявить, что сейчас моя задача – не взыскание по оброчным статьям, а за самовольное пользование лесом и его порчу. 13-го в полдень в канцелярию на кордоне явился член земской управы

Евграф Фролов, житель Чумая, вместе с начальником милиции. Затем от имени общества Фролов настаивал на том, чтобы взыскание с чумайцев было бы прекращено. Категорически объявил, что все, что причитается с чумайцев, мною будет взято, в повышенном тоне, по-видимому, нервничая, местный земец в присутствии всех и начальника милиции заявил: «Придется, должно быть, крестьянину подняться и сорвать ту петлю, в которую попадаем»... Чумайцы все же подати несут, и, по-видимому, оплатят и лес. Но настроение настолько скверно, что, конечно, не может быть и речи о моем пребывании здесь в лесничестве, тем более что по всем дорогам из Чумая, то есть в Ивановке, Покровке, Михайловке, Алчедатке, – везде буду и везде соберу. <...> В Мариинске в полчаса покончил с кооперативом, председатель коего обещал немедленно уплатить все, что ему будет предложено; а думаю, тысяч 12 сгребу и с него. Всего ожидаю не менее 20 тысяч» [15. Л. 17 об.–18].

После этого действовавший в Чумае отряд оказался в осадном положении и вынужден был бездействовать. 14 октября начальник милиции выехал за помощью в г. Мариинск. Тем временем повстанцы обезоружили отряд и жестоко расправились со всеми, кого считали причастными к своим бедствиям. 21 октября был убит лесничий Я.И. Солодовников, кордон, находившийся в четырех верстах от села Чумая, сожжен, имевшееся здесь казенное имущество разграблено или уничтожено. Лесничего Солодовникова перед смертью пытали с целью узнать, где спрятаны оружие, пулеметы, патроны. Лишь спустя несколько дней было обнаружено изуродованное тело Солодовникова, доставлено в г. Томск, где и погребено 1 ноября.

Поведение восставших крестьян отличалось повышенной агрессивностью; в нем нашло яркое выражение насилие из мести. Как докладывал мариинский уездный комиссар, 19 октября толпа крестьян задержала лесничего Солодовникова и стала избивать его палками со словами: «Пусть на том свете собирает лесные штрафы» [4. С. 370–371]. Обездчик Мариинского лесничества Яков Лукьянов, временно командированный в Чумайское лесничество, также был убит взбунтовавшимися крестьянами, другой обездчик Андреев, приговоренный к смерти, успел сбежать. Жена лесничего Солодовникова, арестованная чумайцами, была освобождена прибывшими на помощь воинскими отрядами [14. Л. 13].

Семипалатинская кадетская газета «Свободная речь» со слов собственного корреспондента подробно рассказывала о мотивах Мариинского (Чумайского) восстания, нравственном облике и поведении повстанцев. «Население Чумая, развращенное приисковой жизнью, самогонкой, после падения большевиков с крайней раздражительностью встретило воинскую повинность и установление правил лесных порубок. Во всем этом деревенские пролетарии видели старый режим», – писал корреспондент [16]. По его мнению,

также значительное влияние на возникновение восстания оказала агитация эсеров и социал-демократов.

Автор публикации под названием «Тяжелые дни в Мариинске» отмечал невероятную жестокость, озлобленность восставших крестьян, представив их действия как «страшную, безрассудную расправу». Подчеркивая руководящую роль в организации восстания солдат-фронтовиков и частично искажая детали происходивших событий, он, например, писал: «Прежде всего, чумайцы расправились с лесничим, которого подвергли на глазах жены невероятным истязаниям. Покончив с ним, они убили и его жену, надругавшись, при этом, над ее трупом. Видя, что творится страшная безрассудная расправа, священник села Чумай мужественно выступил со словами отрезвления к толпе. Но толпа заревела: «Смерть долговязому буржую! Убить его!» И священник был убит. Первые воинские части, посланные на усмирение, были захвачены в плен. Особенно жестокая расправа постигла офицеров. Тела их исполосованы снятием кожи в виде широких ремней и сильно исколоты» [Там же].

Лесничий В. Москаленко из села Тисуль сообщал 8 октября 1918 г. в томское управление земледелия и государственных имуществ более точные и достоверные сведения о ходе Чумайского восстания и поведении повстанцев. Крестьяне ночью отобрали оружие и арестовали милиционеров, причем 7 человек из них убили, а остальных заперли в холодный амбар. Священник отец Павел (Соловьев), попытавшийся увещевать крестьянскую толпу, был раздет донага и брошен в холодный амбар, где умер. Затем утром на кордоне участники восстания убили лесничего Солодовникова. Жена его сумела убежать в лес, кордон сожгли. Узнав, что представителями власти в Мариинск послано за подкреплением, крестьяне села Чумая разослали по соседним деревням делегатов с просьбой об оказании им помощи. К восставшим присоединилось около 10 селений, в частности Кураково, Карачаровка, Нижняя Серта, Михайловка, Шестакова, Алчедат, Покровка, Ивановка и др. Обращались они за помощью в тисульское лесничество, но здесь им помощь не оказали. Жители села Тисуль ответили посланцам мятежников: «Мы не о двух головах, чтобы идти помогать вам» [15. Л. 32].

В Иркутянке, угрожая расправой, чумайские делегаты и новобранцы заставили председателя управы дать расписку в том, что они обязываются выслать помощь в село Чумай, однако ему удалось бежать в село Тисуль. В Тисуле волнения крестьян не были отмечены, приобретались лесные билеты.

В вину убитому лесничему Солодовникову ставилось несправедливое взыскание лесных сборов по трехкратной таксовой стоимости за лес, самовольно нарубленный еще при Советской власти (на что указывал, например, в секретном рапорте помощник томского губернского комиссара [4. С. 370–371]). Однако данные обвинения не являлись бесспорными. На наш

взгляд, справедливой является точка зрения, высказанная в докладе начальника управления земледелия и государственных имуществ Томской губернии от 7 ноября 1918 г., направленном управляющему Министерством земледелия и колонизации. В нем он, в частности, утверждал: «Полагаю, что приведенные обвинения не могут иметь под собой достаточных оснований: обязательным постановлением губернского комиссариата от 8 июля 1918 г. и последовавшими в развитие его указаниями управления земледелия и государственных имуществ, преподанным лесничим, имелось в виду производить взыскания за лес, самовольно вырубленный лишь в последний зимний период 1917–1918 гг. и при том не употребленный в дело. Покойный Я.И. Солодовников был назначен в Чумайское лесничество только летом 1917 г.; ни прежде служивших помощников лесничего, ни объездчиков в лесничестве ко времени производства за самовольно вырубленный лес не было, а потому давать какие-либо указания о произведенных несколько лет тому назад порубках никто не мог. Кроме того, местными жителями были произведены за последний год настолько большие порубки, что учесть их для лесничего с крайне незначительным кадром лесной стражи являлось уже непосильным трудом; думать же об отыскании еще и старых порубок представлялось явно неразумным и бесцельным» [14. Л. 13 об.].

Автор доклада считал, что взыскание за самовольно нарубленный лес могло быть не более чем поводом к восстанию, причины же его крылись более глубоко, в характере направления деятельности мариинского уездного земства и местного союза кооперативов. Рассматривая обстоятельства возникновения восстания, он подчеркивал, что беспорядки охватили южную часть Мариинского уезда (до 30 сел) и носили вполне организованный характер; бунтовщики были хорошо вооружены и, очевидно, объединены общими директивами [Там же. Л. 13].

Чиновники лесного ведомства выражали неоднократно серьезную обеспокоенность состоянием лесного хозяйства, проблемами лесопользования, охраны лесов, чрезвычайно обострившимися в пореволюционный период. Затравленные и никем не поддерживаемые на местах лесные чиновники вынуждены были искать убежища в городах или, оставаясь на месте, жить изо дня в день под страхом смерти и избиения. Незадолго до антибольшевистского переворота губернское руководство большевиков, вняв голосу лесных специалистов, делало попытки водворить порядок в лесном хозяйстве, издавая декреты и рассылая воззвания к населению о недопустимости хищения лесов, но, не имея достаточно реальной силы на местах, не смогло добиться существенных результатов.

Временное Сибирское правительство, в свою очередь, также попыталось принять меры по улучшению положения лесного хозяйства. Восстановленные в своих правах лесные чины решили воздействовать на

население путем уговоров и бесед как с отдельными лицами, так и сельскими сходами. Лишь отдельные граждане соглашались с ними, в общем же в лесах продолжалось и продолжается огульное и бессистемное хищение. В конце концов пришлось прибегнуть к крайней мере, к приглашению вооруженных отрядов.

Однако, к сожалению, приглашенные для ликвидации лесных хищений представители военных нередко не отделяли данного поручения от других и наказывали на местах крестьян и за другие провинности (дезертирство, самогонварение). Предпринятыми жесткими мерами власти восстановили в некоторых районах население против лесных чиновников, которое посчитало, что все те наказания, которым оно подверглось, выпали на его долю благодаря приглашению военных отрядов лесничими. Различия, и порой весьма существенные, в деятельности военизированных отрядов привели к соответствующим результатам. В тех местах, где отряд действовал только в качестве охраны лесных чиновников от возможных выступлений, ликвидация самовольных порубок прошла успешно, без последующих осложнений. Там же, где применялись исключительные меры наказания и за проступки, совершенно не относившиеся к лесным нарушениям, население после ухода военных отрядов постаралось отомстить лесничим за полученные обиды и взыскания. Правда, в некоторых селах, под страхом повторения наказания, население пошло к лесным чиновникам за выбором билетов, но многие селения, как отмечал в докладной записке уже упомянутый А.П. Куликов, и до сих пор продолжают рубить лес самовольно, истощая дачи неправомерными сплошными порубками и не неся в казну пошлин [13. Л. 88–89].

В некоторых районах Томской губернии после появления партизанских отрядов («разбойничьих шаек») население прекратило приобретать лесные билеты и доходность заметно упала. Лесные дачи вырубались, лучший лес вывозился. Для восстановления порядка в лесном хозяйстве А.П. Куликов предлагал комиссии предпринять следующие меры: «1) Ликвидировать немедленно до полного уничтожения шайки различных «Лубковых», убеждающих население словом и делом не платить податей, не брать лесорубочных билетов, убивающих милиционеров и чинов лесной стражи. 2) Для прекращения порубок в уездах теперь же выслать особые военные отряды для воздействия на некоторые селения, продолжающие производить массовые хищения и не желающие выбирать билетов. 3) Увеличить число стражи до норм, просимых лесничими. 4) Образовать временные отряды лесной милиции, с правами обыкновенной лесной стражи, с подчинением ее управлению земледелия или отдельным чинам корпуса лесничих – по указанию Управления Земледелия. Общую численность отряда по губернии пока довести до 75–80 человек. Размещение по уездам предоставить усмотрению Управления Земледелия. Содержание отрядов отнести на общегосударственные

кредиты, ассигнуемые в распоряжение Министерства Земледелия» [13. Л. 89].

Действительно, плохо вооруженная лесная стража не имела возможности противодействовать вооруженным до зубов отрядам лесным порубщикам, систематически и целенаправленно уничтожавшим лесные массивы. Так, начальник управления земледелия и государственных имуществ Томской губернии в ноябре 1918 г. в рапорте министру земледелия отмечал: «К сожалению, не говоря уже о неравенстве численных сил нападающих по сравнению с небольшим наличным составом лесной стражи, хищники имеют значительный перевес и в отношении вооружения. В то время как порубщики являются в леса целыми отрядами, вооруженные казенными трехлинейными винтовками и револьверами “Нагана”, лесная стража в лучшем случае может оказать отпор лишь единичными выстрелами из ветхих, ржавых винтовок “Бердана” и револьверов “Смит-Вессона”; в большинстве же случаев стража совершенно безоружна.... Не в лучшем положении находятся и классные чины лесной администрации Томской губернии, не получая ранее казенного оружия. Лесные ревизоры, лесничие и их помощники, несмотря на безусловную необходимость иметь при себе оружие в настоящее, весьма опасное для них время, в целях самозащиты, не могут приобрести таковое» [17. Л. 68].

События в селе Чумай неоднозначно отразились в других лесничествах. Так, в Тисульском лесничестве население начало усиленно брать билеты в значительной степени и потому, что здесь находился отряд Померанцева. В Алчедатском лесничестве слухи о чумайских событиях дошли в искаженном виде («говорили, что описывают весь нарубленный лес, что взыскивают очень строго и отбирают в уплату «домашность», белье, полотенца и пр.»). Некоторые села приняли решение противостоять таким недопустимым способам взыскания. Другие категорически отказались присоединяться к повстанцам, мотивируя это тем, что «им доподлинно неизвестно, кто виноват в Чумайских событиях» [Там же. Л. 67]. При этом хищение леса здесь продолжалось.

В Мариинском лесничестве деревни, принимавшие, по слухам, активное участие в событиях в Чумае, не прекращали самовольную вырубку леса (Николаевка, Усманка). Комиссаровка, отказавшаяся поддержать мобилизацию в повстанческие отряды, также участвовала в самовольных порубках.

На Закийском, Черемшанском, Причетском и Боготольском лесничествах крестьянские выступления непосредственно не отразились, однако население и далее расхищало лесные богатства.

В целом же, по мнению лесного ревизора, «усиленные порки с солью и раздача ударов плетью направо и налево воздействовали, вероятно, на Чумай, да на два, на три селения близлежащих. А в общем – какая-нибудь Николаевка, Усманка и многие другие будут

продолжать рубить лес и мечтать о возврате большевиков, если правительством не будет организована в деревнях контрпропаганда против большевиков-коммунистов и черносотенцев-монархистов» [Там же. Л. 17–17 об.].

Действительно, самовольные порубки леса не прекращались и после подавления Чумайского крестьянского восстания не только в период Гражданской войны, но и нэпа. Причем проблемы лесопользования обострились, грозя сибирской деревне экологическими бедствиями. Так, лесничий села Боготол Виторт доносил 12 ноября 1918 г. начальнику Томского управления земледелия и государственных имуществ о том, что самовольные порубки во вверенном ему лесничестве приняли угрожающие размеры для леса. С установлением санного пути жители окружающих сел и деревень выезжают в лес большими партиями, вооружены наганами и винтовками и производят сплошную рубку ценных лесных насаждений. Причем как администрация лесничества, так и лесная стража, разбросанная по разным концам лесничества, не чувствуют за собой никакой поддержки со стороны правительства [Там же. Л. 29].

В качестве возможных мер для прекращения самовольных порубок, а также возможных насилий со стороны населения лесничий Боготольского лесничества предлагал следующие:

1. Широкое оповещение населения соответствующими властями о том, что Боготольское лесничество объявляется на военном положении и вся власть по охране лесов снимается с боготольского лесничего и передается военным властям; всякий виновный в незаконной рубке леса или же в другом нарушении Лесного Устава будет предаваться военному суду и караться по всей строгости закона вплоть до расстрела.

2. Немедленная организация в Боготольском лесничестве постоянного военного отряда из 100 надежных людей, достаточно вооруженного, имеющего 30–50 лошадей. Отряд этот предполагал бы сконцентрироваться в двух местах, по 50 чел. в каждом; одну часть в усадьбе лесной школы, другую – на Симахинском кордоне в Краснореченской даче. Так как ни лесничий, ни его помощники не возьмут на себя всю ответственность за последствия возможных столкновений с порубщиками, необходимо во главе каждой из двух частей отряда назначить по одному начальнику, которые и руководили бы этими частями на местах.

Указанная военная сила, по мнению лесничего, должна действовать лишь в пределах Боготольского лесничества и ни в коем случае не выезжать в окрестные деревни в виде карательных экспедиций. Основные функции данных отрядов следующие: охрана леса от самовольных порубок и прочих нарушений Лесного Устава, охрана усадьбы школы и кордонов от непрекращавшихся нападений и грабежей и, наконец, сопровождение лесничего и его помощников в их поездках по делам службы. Помимо всего прочего, лесничий

изъявлял желание, чтобы с него хотя бы частично была снята обязанность по снабжению отряда продовольствием и фуражом и возложена на сам отряд [17. Л. 29 об.].

После подавления восстания в Чумае властями было произведено расследование по делу об убийстве лесничего Чумайского лесничества Я.И. Солодовникова. В ходе дознания объездчик Мариинского лесничества И.К. Андреев, в частности, показал: «Я догнал отряд в деревне Покровке, где мы приступили к обмеру леса, **обмеряли только бревна и сутунки нынешней рубки, а также срубы из свежего леса, ни дров, ни дранки не касались** (выделено мной. – И.К.). В Покровке и Ивановке никаких выступлений крестьян не было. Отсрочек, очевидно, Лесничий не давал, так как на неуплативших я видел составленные протоколы. Из Ивановки двинулись в село Чумай и прибыли туда в 10–11 часов вечера. Лесничий уехал с двумя из отряда на кордон. <...> Через 2 дня приехал член земской управы Фролов, который говорил в канцелярии, что нужно противодействовать сбору с крестьян, производимому отрядом, вообще восстать против отряда. После его отъезда с начальником милиции крестьяне нам отказали во всем... После этого крестьяне, должно быть, меня заподозрили, арестовали и отвезли в Чумай, отобрав револьвер и сто рублей денег. Здесь на сходе кто кричал, что необходимо сейчас же расстрелять, кто был за то, чтобы разобрать дело. Между ними нашелся один крестьянин из Покровки, Аким Иванович Чернов, который взял меня на поруки и увез в Покровку...» Далее объездчик утверждал, что в деревне Усманке крестьяне вели разговоры, что лесничий взыскивает неправильно, описывает старый лес и берет от шестидесяти копеек до шести рублей с вершка: «Я их разубеждал, что этого не делается, что описывается только лес нынешней рубки, население было настроено против лесничего, и некоторые говорили, что я их обманываю и желаю подвести. Говорили, что за лес описывает все масло, полотенца и т.д., и разубедить их не удалось» [18. Л. 19 об.].

Непосредственно способствовала возникновению восстания, по мнению начальника управления земледелия и государственных имуществ Томской губернии, деятельность социалистических организаций – Мариинского уездного земства и Мариинского союза кооператоров. 20 сентября 1918 г. начальник Мариинской уездной милиции сообщал томскому губернскому комиссару о произведенных обысках в конторе общества потребителей г. Мариинска, а также в квартире члена правления Семена Берестинского, выехавшего в Ново-николаевск. Милицией были обнаружены прокламации антиправительственного характера, содержавшие призывы срыва выплаты податей, мобилизации в армию, уверявшие о приближении большевиков из России [15. Л. 43]. Однако решающей роли в возникновении и раз-

витии восстания подобные прокламации, на наш взгляд, не могли сыграть.

Широкий социальный состав повстанческого движения, его слабая организованность летом – осенью 1918 г. стали одними из главных факторов отсутствия единства среди участников восстаний, сравнительно быстро и легко разгромленных белогвардейцами. Главным авангардом повстанческой борьбы, несомненно, являлись бедняцко-батрацкие слои деревни, самоотверженно сражавшиеся с карателями. Представители же кулачества, зажиточного крестьянства, как правило, при первых же боевых неудачах дезертировали, увлекая за собой всех слабых духом и колеблющихся.

Ценой неслыханной жестокости белым удалось подавить эти восстания, но не удалось потушить злобу и ненависть к себе со стороны бедняцко-батрацкой части деревни, бывших фронтовиков, как известно, составивших основное ядро повстанчества. По данным Ю.В. Журова, карателями было убито и замучено 5,5 тыс. участников антиправительственных выступлений. Потери карателей же составили около 700 солдат и офицеров убитыми и примерно столько же ранеными [12. С. 51]. Учитывая многократное превосходство противника в военной организации и оснащенности, можно утверждать о высоком уровне сопротивления восставших.

В заключение подчеркнем, что значительные усилия по сбору налогов и недоимок, позволившие контрреволюционным правительствам собрать с крестьян около половины причитавшихся прямых налогов, подорвали поддержку белогвардейского режима, в совокупности с другими насильственными мероприятиями порождали социальные конфликты, связанные со стремлением к насильственным действиям с применением оружия. Крестьянское восстание в Мариинском уезде вспыхнуло стихийно под влиянием ряда факторов: жесткого целенаправленного взыскания платежей и штрафов за самовольные системные порубки леса, а также как крестьянский протест против насильственной мобилизации в белую армию, карательных акций военного отряда под командованием прапорщика Дмитриева. Как и в ходе прочих крестьянских выступлений, поведение восставших отличали в значительной мере стихийность, прагматизм и рационализм интересов, агрессивность, деструктивные черты, выразившиеся в серии убийств. При этом, несмотря на жестокое подавление восстания, самовольные порубки леса в Мариинском уезде не прекращались на всем протяжении Гражданской войны.

С конца 1918 г. антиколчаковские вооруженные выступления крестьян положили начало партизанскому движению в охваченных крестьянскими волнениями районах, представлявшему серьезную опасность для белогвардейского тыла, в особенности на этапе решающих сражений с Красной Армией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стишов М.И. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1962. 418 с.
2. Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная (большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны). Кемерово : Кемеров. кн. изд-во, 1968. 557 с.
3. Плотникова М.Е. Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 – первая половина 1930-х гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1974. 252 с.
4. Борьба за власть Советов в Томской губернии : сб. док. матер. Томск, 1957. 565 с.
5. Шиловский М.В. Как изучали историю белой Сибири (1995–2005 гг.) // Сибирь в период Гражданской войны : матер. междунар. науч. конф. (6–7 фев. 2007 г., г. Кемерово). Кемерово : ГОУ «КРИПО», 2007. С. 174–177.
6. Курьшев И.В. Повстанческое движение осенью 1918 – весной 1919 гг. в Западной Сибири (по материалам периодической печати) // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия : сб. матер. междунар. науч.-прак. конф. / под ред. А.А. Штырбула. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2000. Ч. 1. С. 298–307.
7. Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.) : матер. междунар. конф. М., 1996. С. 22–39.
8. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 179.
9. Рышков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. 211 с.
10. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983. 387 с.
11. Сибирское бюро ЦК РКП (б). 1918–1920 гг. : сб. док. Новосибирск, 1978. Ч. 1. 350 с.
12. Журов Ю.В. Крестьянство Сибири в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1975. 88 с.
13. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 92.
14. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 183.
15. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 78.
16. Свободная речь. Кадетский орган печати (Семипалатинск). 1918. 27 окт. (9 ноя.).
17. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 45.
18. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 295.

Kuryshch Igor V. The branch of Tyumen State University in the town Ishim (Ishim, Russian Federation). E-mail: istorik_ishim72@mail.ru

MARIINSKY (CHUMAYSKY) PEASANT UPRISING OF 1918: REBELS, MOTIVES AND BEHAVIOUR.

Keywords: taxes and arrears collecting; unauthorized tree felling; behaviour of the rebels.

The forerunner of the partisan movement in Western Siberia was the massive spontaneous peasant uprising that broke out in a number of districts in the period of «democratic counter-revolution». Analysis of the degree of scientific problem elaboration allowed to formulate the following problem: to reconstruct the social behavior of the Mariinsky district rebels during the uprising in October 1918, based on a multidisciplinary approach (historical synthesis, system integration, socio-psychological, socio-cultural aspects of the study). Rather violent insurgency began in the Mariinsky district of Tomsk province; where on 19th to 28th of October, 1918 a powerful peasant uprising broke out in more than 10 volosts with a total number of participants about seven thousand armed peasants. The state of forestry in this part of the vast province of Tomsk was very frustrating. The scale of unauthorized timber felling from state dachas reached terrifying proportions. Particularly threatening was the situation in Chumaysky forestry. Throughout the spring and summer 1918 tens of thousands cubic yards of timber were floated on the river Kiya; on both banks of the river there were big warehouses with illegally felled timber. In the 6th and 7th of October a punitive detachment arrived at the village of Pokrovka to recalculate the forest. After the detachment in Chumay had been besieged, it was forced to remain inactive. Meanwhile, the rebels disarmed the detachment and murdered everyone whom they considered to be involved in their disasters. The rebellious peasants behaved with extreme aggressiveness which manifested itself in violence out of revenge. The authors of newspaper articles noted the incredible cruelty and anger of the rebellious peasants, presenting their actions as "a terrible, reckless violence". More objective reasons for the Mariinsky (Chumaysky) uprising are presented in the report of the Mariinsky county commissioner submitted to Tomsk province commissioner. Among them, he singled out heavy taxation and penalties imposed on the local population for unauthorized tree felling within Chumay forestry; taking the recruits fleeing from military service to the ranks of the Red Army; Bolsheviks' propaganda aimed at the ignorance of population; the inept actions of the detachment under the command of warrant officer Dmitriev who had been sent from Tomsk. Forestry Department officials repeatedly expressed concern about the state of forestry, forest management issues, the protection of forests, which were serious problems in the post-revolutionary period. Unfortunately, the representatives of the military, who had been sent to eliminate forest theft, acted indiscriminately and punished local farmers for other infractions (desertion, moonshine). The strict measures in some areas set the local population against the forest officials. People felt that all those penalties, which they were undergoing, had been caused by foresters' invitation of military units. The differences, sometimes quite significant, in the activities of military units led to such results. Unauthorized felling of forest did not stop after the suppression of the Chumaysky peasant revolt, not only during the Civil War, but the NEP. Since the end of 1918 Anti-Kolchak armed uprisings of the peasants initiated a guerrilla movement in their areas, which posed a serious threat to Kolchak's rear, especially at the stage of the decisive battles with the Red Army.

REFERENCES

1. Stishov M.I. *Bol'shevistskoe podpol'e i partizanskoe dvizhenie v Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny (1918–1920 gg.)* [The Bolshevik underground and guerrilla movement in Siberia during the Civil War (1918–1920)]. Moscow: Moscow State University Publ., 1962. 418 p.
2. Kadeykin V.A. *Sibir' nepokorennaya (bol'shevistskoe podpol'e i rabochee dvizhenie v sibirskom tylu kontrrevolyutsii v gody inostrannoy voennoy interventsii i grazhdanskoy voyny)* [The Unconquered Siberia (the Bolshevik underground and the Labor movement in Siberian counter-revolutionary hinterland during the foreign military intervention and civil war)]. Kemerovo: Kemerovo Book Publ., 1968. 557 p.
3. Plotnikova M.E. *Sovetskaya istoriografiya grazhdanskoy voyny v Sibiri (1918 – pervaya polovina 1930-kh gg.)* [The Soviet historiography of the Civil War in Siberia (1918 – first half of the 1930s.)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1974. 252 p.
4. Flerov V.S. (ed.) *Bor'ba za vlast' Sovetov v Tomskoy gubernii* [The struggle for the Soviet power in Tomsk province]. Tomsk: CPSU Party Archive Publ., 1957. 565 p.

5. Shilovskiy M.V. [How the history of White Siberia was studied (1995-2005 gg.)]. *Sibir' v period Grazhdanskoy voyny: mater. mezhdunar. nauch. konf. (6–7 fev. 2007 g., g. Kemerovo)* [Siberia during the Civil War: Proc. of the International Scientific Conference (6-7 February, 2007, Kemerovo)]. Kemerovo: KRIRPO Publ., 2007, pp. 174-177. (In Russian).
6. Kuryshch I.V. [Insurgency in autumn 1918 – spring 1919 in Western Siberia (based on the periodical press)]. *Politicheskie partii, organizatsii, dvizheniya v usloviyakh krizisov, konfliktov i transformatsii obshchestva: opyt ukhodyashchego stoletiya: sb. mater. mezhdunar. nauch.-prak. konf.* [Political parties, organizations, movements in crises, conflicts and transformation of society: the experience of the past century. Proc. of International Scientific-Prac. Conference]. Omsk: OmGPU Publ., 2000, pt. 1, pp. 298-307. (In Russian).
7. Danilova L.V., Danilov V.P. [The peasants' mentality and the community]. *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX – XX vv.): mater. mezhdunar. konf. [Mentality and agricultural development in Russia (the 19th – the 20th centuries): Proc. of the International Conference]*. Moscow, 1996, pp. 22-39.
8. The State Archive of Tomsk Regions (further referred to as GATO). Fund R. 1362. List 1. File 179. (In Russian).
9. Rynkov V.M. *Finansovaya politika antibol'shevistskikh pravitel'stv vostoka Rossii (vtoraya polovina 1918 – nachalo 1920 g.)* [The financial policy of the anti-Bolshevik governments of Eastern Russia (second half of 1918 – early 1920)]. Novosibirsk: Institute of History SB RAS Publ., 2006. 211 p.
10. Gushchin N.Ya. (ed.) *Krest'yanstvo Sibiri v period stroitel'stva sotsializma (1917–1937 gg.)* [The peasants in Siberia during the construction of Socialism (1917–1937)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1983. 387 p.
11. *Sibirskoe byuro TsK RKP (b). 1918–1920 gg.: sb. dok.* [The Siberian Bureau of the Central Committee of the RKP (b). 1918-1920: Collection of documents]. Novosibirsk, 1978, pt. 1, 350 p.
12. Zhurov Yu.V. *Krest'yanstvo Sibiri v gody grazhdanskoy voyny (1918–1920 gg.): avtoref. dis. d-ra ist. nauk* [Peasants in Siberia during the Civil War (1918–1920). Abstract of History Doc. Diss.]. Tomsk, 1975. 88 p.
13. GATO. Fund R-1362. List 1. File 92. (In Russian).
14. GATO. Fund R-1362. List 1. File 183. (In Russian).
15. GATO. Fund R-1362. List 1. File 78. (In Russian).
16. *Svobodnaya rech'*, 1918, 27th October (9th November).
17. GATO. Fund R-1362. List 1. File 45. (In Russian).
18. GATO. Fund R-1362. List 1. File 295. (In Russian).